

ИСПАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Сергей Маркович Хенкин

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 апреля 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 ноября 2017</p>	<p>Аннотация: Политико-институциональный кризис, переживаемый современным испанским обществом, вызывает острую и оживленную дискуссию о его истоках. Широко распространилась точка зрения, что вину за нынешнее положение дел несут деятели второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов. Такой подход означает радикальную переоценку ценностей: ведь еще недавно в общественном сознании в Испании и за ее рубежами доминировали представления о транзите в этой стране как об одном из наиболее удачных в рамках «третьей волны демократизации». Автор не согласен с целиком нигилистическими оценками транзита, результаты которого позволили Испании избежать новой гражданской войны и впервые в ее истории создать режим представительной демократии. Безусловно, политике переходного периода были присущи слабости и ограничения. Однако у деятелей последующих поколений имелись возможности исправить сложившуюся ситуацию, изменив соответствующие законы и практики. Но они этого не сделали, так как управлять по-старому было проще и спокойнее. Вместе с тем опыт испанского транзита в сопоставлении с современными реалиями свидетельствует, что даже удачные решения работают лишь какое-то время. Новые этапы в развитии общества требуют корректировки старых и поиска новых прагматических решений, учитывающих национальные интересы. Примечательно также, что уже много времени спустя после завершения транзита в эпицентре политической борьбы оказались вопросы, которые тогда не доминировали в политическом дискурсе и казались решенными (дилемма «монархия-республика», конфликт между ревностными католиками и людьми светской культуры, отношение к историческому прошлому). Автор делает вывод, что вряд ли правильно устанавливать прямую, непосредственную связь между современными проблемными зонами испанского социума и политикой времен демократического транзита.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор, Кафедра сравнительной политологии, МГИМО МИД России e-mail: sergkhenkin@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Испания; франксистская диктатура; демократический транзит; консолидация демократии; партии; «пакты Монклоа»; конституция; «встроенные дестабилизаторы»</p>	

В годы глобального финансово-экономического кризиса Испания, до этого весьма динамично развивавшаяся, превратилась в одну из самых неблагополучных стран в Западной Европе. Со всей очевидностью проявился системный кризис политики, составной частью которого стал кризис политико-институциональный. Сложившаяся ситуация вызвала острую и оживленную дискуссию об истоках кризиса. Широко распространилась точка зрения, что вину за нынешнее положение дел несут деятели переходного периода, политика которых в конце 1970 – первой половине 1980-х годов заложила фундамент современной политической системы.

Данная интерпретация ознаменовала радикальную переоценку ценностей. Дело в том, что испанский транзит несколько десятилетий считался одним из самых успешных в рамках «третьей волны демократизации». Политики и эксперты многих стран Восточной Европы и Латинской Америки, совершавших переходы от авторитаризма к демократии, обращались к этому опыту, рассматривая ряд его аспектов как предмет для подражания. А в самой Испании при оценке перехода нередко звучали триумфалистские ноты. Разумеется, не все были согласны с апологетической оценкой транзита. Появлялись и работы, авторы которых критиковали

ли его результаты¹. Однако такой массовой и жесткой критики результатов транзита, как в период глобального кризиса, прежде не было. При этом костяк ревизионистского направления составляют представители молодого поколения, те авторы, которые родились уже во времена демократии и сами в событиях тех лет не участвовали².

Важно отметить также, что разгоревшаяся дискуссия носит далеко не абстрактно-академический характер. Критики транзита, хотя бы они того или нет, делегитимизируют существующую политическую систему. Часть их ставит вопрос о «втором переходе» – переосмотре базовых основ функционирования государства и переходе к новой модели развития. Для недавно образованной и весьма влиятельной в стране леворадикальной партии Подемос, а также сепаратистских сил в Каталонии интерпретация результатов транзита как поражения – важнейшая часть идейно-политической платформы, главный аргумент в борьбе за фундаментальные перемены в существующей политической системе.

Так как же оценивать транзит в свете происходящей дискуссии и устоявшихся представлений? И как соотносятся нерешенные проблемы давно консолидированной испанской демократии с его характером и результатами? Ответ на эти вопросы важен не только для Испании. Он позволяет лучше понять природу проблем, обнажившихся в период глобального кризиса в политических системах стран, перешедших в конце XX в. от авторитаризма к демократии.

¹ См., например: Grimaldos, A. *La sombra de Franco en la transición*. Madrid: Oberon, 2004. 380 p.; Moran, G. *El precio de la transición*. Barcelona: Planeta, 1991. 254 p.; Navarro, V. *Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país*. Madrid: Anagrama, 2002. 216 p.

² Обстоятельная критика транзита представлена, например, в работе Х.К. Монедро, одного из основателей леворадикальной партии Подемос: Monedero, J.C. *La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española*. Madrid: Catarata, 2011. 230 p. См. также: Brieger, P. *La encrucijada española. Del 15-M a la disputa por el poder: Clave*. Intelectual, 2015. 263 p.; Moreneo, M.; Illuega, H. *Por un nuevo proyecto de país*. Madrid: El Viejo Topo, 2015. 247 p.

Некоторые проблемные зоны современной политической системы

Глобальный кризис, обрушившийся на Испанию в 2008 г., резко усилил имущественную и социальную дифференциацию, материальные затруднения и лишения, сопровождаясь ростом чувства социальной незащищенности миллионов испанцев, отсутствием перспектив у молодого поколения. Усилилось критическое отношение к политикам и политическим институтам, происходило массовое разочарование в них.

Мощный потенциал протеста материализовался в «Движении возмущенных», возникшем в мае 2011 г., когда многотысячные толпы вышли на улицы и площади десятков испанских городов с требованиями осуществления глубоких политических и социально-экономических преобразований. Эпицентром движения стала центральная площадь Мадрида Пуэрта дель Соль, где «возмущенные» разбили палаточный лагерь. Основным лозунгом протестовавших были слова: «Они нас не представляют». Появление «возмущенных» сигнализировало о том, что партийно-политическая система Испании пребывает в состоянии глубокого кризиса. Они указали на давно известные и ставшие еще более заметными в годы кризиса дефекты политической системы, на которые в благополучные годы многие люди предпочитали не обращать внимания.

Речь идет, в частности, об испанских партиях, столкнувшихся с явным кризисом доверия (не считая тех, которые образовались относительно недавно). Политическую систему Испании можно назвать «режимом партий». После победы на выборах та или иная партия, назначив своих ставленников, берет под контроль значительную часть политического пространства страны, важнейшие государственные институты, к примеру Конституционный суд, Счетную палату, Банк Испании, т.е. институты и учреждения, считающиеся по классическим нормам демократии независимыми.

В партиях царит каудильизм: полновластие лидеров и их ближайшего окружения, которые регулируют свою деятельность и принимают все решения, оставаясь бескон-

трольными. Отсутствие внутривнутрипартийной демократии и внешнего контроля ведут к распространению крупномасштабной коррупции.

Многие годы критику общественности вызывает испанский вариант избирательной системы, принятой в марте 1977 г. Отчасти корень проблемы – существование серьезной диспропорции между набранными голосами и полученными мандатами, которая дает явное преимущество партиям, занимающим на выборах первое и второе места. Не менее жестко критикуется система так называемых закрытых списков, используемых на выборах различных уровней. Избиратель должен проголосовать за список кандидатов, которые предлагаются руководством партии, не имея связи с конкретным политиком, к которому можно было бы обращаться с просьбами. Большинство кандидатур избирателям неизвестны. Таким образом, люди отчуждаются от политики и одновременно нарушается принцип реального разделения властей, поскольку избранные депутаты, входя в состав парламента и правительства, подчиняются партиям.

Изменений требует судебная система. В Испании не соблюдается принцип независимости судебной власти от исполнительной. Генеральный совет судебной власти с 1985 г. избирается не самими судьями, а депутатами парламента, зависимыми от партий, что делает его политизированным и превращает в арену борьбы различных партий. Таким же политизированным является Конституционный суд, который вместо того, чтобы быть арбитром при вынесении решений о неконституционности законов, выполняет волю исполнительной власти.

На повестке дня реформирование политико-территориальной организации Испании. Острейший каталонский конфликт сигнализировал о необходимости изменения ряда устаревших статей конституции, касающихся территориального устройства страны.

Рамки журнальной статьи не дают возможности остановиться на других нерешенных проблемах политической системы современной Испании³. Но и названные дают

³ Подробнее о проблемных зонах испанской политики см.: Хенкин С.М. Испания в поло-

представление о серьезности вызовов, стоящих перед ней.

Характер и результаты транзита

Можно ли выявить прямую и непосредственную связь между нерешенными проблемами Испании 2010-х годов и результатами демократического транзита?

Ответ на этот вопрос предполагает обращение к основным характеристикам транзита – процесса, включающего становление и консолидацию демократии. Его хронологические рамки, определяемые политологами и историками по-разному⁴, по нашему мнению, охватывают период с ноября 1975 г., когда Франко на посту главы государства сменил Хуан Карлос I, до середины 1980-х годов – тогда в результате совокупности проведенных реформ процесс демократизации стал необратимым.

К середине 1970-х годов в результате ускоренного экономического роста предшествующих примерно 15 лет аграрно-индустриальная Испания превратилась в индустриально-аграрную страну. Значительно улучшилось материальное положение миллионов испанцев, сформировался многочисленный средний класс. Одновременно произошла либерализация авторитарного режима, который, сохранив репрессии и антикоммунистическую индоктринацию, отказался от оголтелого национализма и религиозного фанатизма, практиковавшихся в первые десятилетия после гражданской войны 1936-1939 гг.

Авторитарная модернизация в краткосрочном плане укрепила франкизм, привела к распространению в широких слоях населения потребительских ориентаций и аполитичности. Вместе с тем пробуждение новых потребностей содействовало и обострению неудовлетворенности масс, осознанию ими приниженности своего положения в обще-

се турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 4. – с. 71-81. [Khenkin, S.M. Ispaniia v poloze turbulentnosti (Spain in Turbulence) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2012, No. 4, pp. 71-81.]

⁴ Подробнее см.: Papel, A. *Elogio de la transición*. Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2016. P. 16.

стве. Наиболее значительные социальные конфликты в период франкизма имели место как раз в 1960-е – первой половине 1970-х годов⁵.

Своеобразие ситуации состояло в том, что демократическое движение, добившись определенных успехов, тем не менее не превратилось в общенародное и не смогло покончить с диктатурой. После смерти Франко созданный им режим сохранял жизнеспособность, опираясь на сильный военно-полицейский аппарат. Диктатура, будучи нелегитимной в глазах значительной части населения, тем не менее продемонстрировала экономическую эффективность.

Король Хуан Карлос I, ставший главой государства в соответствии с заранее продуманным механизмом передачи власти, не сразу взял курс на преобразования. Король действовал в узком коридоре возможностей. Любым либеральным начинаниям противостоял бункер – блок ультраправых сил, окопавшихся в правительстве и других структурах аппарата управления (королевский совет, кортесы, руководство армии, Национальное движение). Первое послефранкистское правительство, формирование которого король поручил К. Ариасу-Наварро, известному своими консервативными взглядами, ориентировалось на то, чтобы слегка обновить фасад режима, сохранив статус-кво. Однако эти расчеты не оправдались. В конце 1975-1976 гг. в стране началось массовое рабочее и демократическое движение, выдвигавшее как политические, так и экономические требования (в середине 1970-х годов разразился экономический кризис, сопровождавшийся, в частности, резким скачком инфляции и безработицы). Противостояние «верхов» и демократической оппозиции достигло опасных размеров. На ситуацию в Испании влияли и события, происходившие на международной арене, в особенности в Южной Европе: разрядка напряженности, крах правоавторитарных режимов в Португалии и Греции, успехи левых сил в Италии.

⁵ Испания. 1918-1972 гг. Исторический очерк. – М.: Наука, 1975. – С. 430-433. [Ispaniya, 1918-1972. Istoricheskiy ocherk (Spain, 1918-1972. Outline of History). Moscow: Nauka, 1975. Pp. 430-433.]

В этой обстановке король в начале июля 1976 г. заменил главу правительства. Им стал Адольфо Суарес – бывший франкистский чиновник, неожиданно для многих взявший курс на демократизацию политической системы страны, проявив политическое мужество и широту мышления. А. Суарес прокладывал дорогу демократии, преодолевая сопротивление сильного блока правых и ультраправых сил (амнистия, смещение крайне правых деятелей, стоявших во главе сил органов госбезопасности и полиции, реформирование избирательной системы, роспуск официальных «вертикальных» профсоюзов, легализация левых партий и профсоюзов) и вступив в диалог с антифранкистской оппозицией⁶.

Расстановку сил выявили первые со времен гражданской войны парламентские выборы, состоявшиеся 15 июня 1977 г., на которых победила созданная А. Суаресом партия Союз демократического центра (34,4% голосов) – разношерстная коалиция правоцентристских буржуазных партий, в которую, наряду с франкистами-обновленцами, входили христианские демократы, либералы, наиболее умеренные социал-демократы. Глава СДЦ А. Суарес стал в глазах широких слоев испанцев творцом мирного демонтажа франкизма и на время приобрел черты харизматического лидера. Левые партии – Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и компартия (КПИ) заняли второе и третье места, набрав, соответственно, 29,2% и 9,2% голосов. Неофранкистской партии Народный альянс досталось четвертое место – 8,3% голосов. Выборы зафиксировали примерное равновесие сил между всеми представленными в кортесах правыми (правоцентристскими) и левыми (левоцентристскими) партиями⁷.

Ситуация была такова, что ни франкисты-обновленцы, ни левые не могли полностью навязать сопернику свою волю. Ограни-

⁶ Подробнее о демонтаже франкизма см.: Современная Испания. – М.: Политиздат, 1983. – 383 с. [Sovremennaya Ispanya (Modern Spain). Moscow: Politisdat, 2013. 383 p.]

⁷ Los partidos en la transición. Las organizaciones políticas en la construcción de la democracia española. Madrid: Biblioteca Nueva, S.L., 2013. P. 57.

ченный коридор возможностей стал одной из причин глубокой переоценки ценностей правыми и левыми. Многие деятели правого лагеря признали или подошли к признанию необходимости легализации левых партий, прежде всего КПИ, права трудящихся на забастовку, свободу печати, отделения церкви от государства, предоставления автономии национальным областям Испании. Иными словами, во второй половине 1970-х годов испанские правые согласились с теми требованиями левых сил, против которых их отцы сражались во время гражданской войны.

Радикальная «смена вех» происходила в эти годы и в левом лагере. Компартия Испании перешла на позиции еврокоммунизма, Испанская социалистическая рабочая партия также сдвигалась к умеренности (забегая вперед, отметим, что в 1979 г. она отказалась от характеристики «марксистская»). Для ведущих левых партий Испании проблема социального переустройства общества отошла на задний план. Во главу угла ставилась задача консолидации хрупкой демократии, предотвращения ультраправого переворота. Традиционно убежденные республиканцы, коммунисты и социалисты признали монархию, убедившись в демократических устремлениях короля.

Утрата былой идейно-политической непримиримости, взаимные уступки левых и правых партий были созвучны умеренным, компромиссным настроениям, господствовавшим в Испании второй половины 70-х годов. К радикальному разрыву с франкистским режимом и коренным общественным преобразованиям было готово только меньшинство населения. Над массовым сознанием довлел страх повторения трагедии гражданской войны, превратившейся в серьезнейшую моральную травму для нации. Этот страх стимулировала казавшаяся реальной угроза правого переворота со стороны реакционных кругов армии, а также террористическая активность различных организаций левацкого, националистического (ЭТА в Стране Басков) и ультраправого толка, унесших множество человеческих жизней⁸. Неприязненное отношение к ради-

кальным экспериментам определялось также опасениями потерять блага, приобретенные в период ускоренного экономического роста. Эти опасения подкреплялись весьма болезненными для населения последствиями экономического кризиса (так, инфляция в июле-августе 1977 г. составляла 42%)⁹.

По существу, правые и левые силы Испании пришли к осознанию необходимости национального согласия (примирения). Оно материализовалось в так называемых «пактах Монклоа» (по названию резиденции правительства) – программе экономических и политических мер, нацеленных на завершение транзита от франкизма к представительной демократии. Оппозиционные партии согласились с осуществлением правительством жестких антиинфляционных мер, в частности, замораживанием заработной платы и снижением расходной части бюджета. В свою очередь правительство брало на себя обязательства, улучшить государственную систему социального обеспечения, принять меры по борьбе с безработицей, установить парламентский контроль над государственными средствами массовой информации¹⁰.

Соглашение общенационального масштаба было компромиссом: каждая из сторон шла на уступки, стремясь стабилизировать режим представительной демократии и смяг-

есть работы, показывающие, что подобные представления – не более, чем миф. Так, по свидетельству политолога С. Баби, с 1975 по 1982 гг. было совершено как минимум 3500 актов насилия по политическим мотивам и 714 человек погибли. Насилие наложило отпечаток на ход демократизации, обуславливая, в частности, ограничение демократических свобод и препятствуя реорганизации военно-полицейского аппарата. *La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. 355 p.*

⁹ Pradera, J. *La Transición española a la democracia. Edición e introducción de Joaquín Estefanía. Madrid: Fondo de Cultura Económica de España, 2014. P. 31.*

¹⁰ Подробнее см.: Хенкин С.М. Политика пакта: испанские иллюстрации // *Полис (Политические исследования)*. – 1996. – № 5. – с. 129-135. [Khenkin, S.M. *Politika pakta: ispanskiye illustracii (Politics of Pact: Spanish Illustrations) // Polis (Politicheskiye issledovaniya)*, 1996, No. 5, pp. 129-135.]

⁸ В общественном сознании укоренилось представление об испанском транзите как о насильственном и бескровном. Вместе с тем

чить последствия экономического кризиса. На этапе перехода к демократии произошло частичное совпадение интересов реформистского крыла правящего класса и основных левых партий. Пакты были одобрены, с определенными оговорками, ведущими демократическими профсоюзами Испании.

К концу 1978 г., когда срок действия «пактов Монклоа» завершился, темпы инфляции сократились примерно вдвое, а текущий платежный баланс был сведен с положительным сальдо. Однако большая часть намеченных социальных реформ не была претворена в жизнь. Не произошло и сокращения безработицы. Основная причина невыполнения многих положений соглашения состояла в том, что кабинет министров А. Суареса трактовал «пакты Монклоа» в интересах крупного капитала, пренебрегая мнением КПП и ИСРП. К тому же правительство испытывало сильный нажим со стороны бизнеса, недовольного «чрезмерными уступкам левым партиям».

При всем этом трудно переоценить роль «пактов Монклоа» в становлении и укреплении совсем молодой испанской демократии, налаживании цивилизованных отношений между вчерашними антагонистами – бывшими франкистами, принявшими новую политическую систему, и представителями левой оппозиции.

Межпартийное сотрудничество в рамках «пактов Монклоа» благоприятствовало разработке и принятию новой конституции страны. Принципиальное отличие ее от всех остальных конституций, действовавших в Испании, состояло в том, что она носила консенсусный характер, не ущемляя ничьих интересов. Определение нового общества сводилось к минимуму и устанавливались правила игры, приемлемые для всех партий и групп давления. Конституция была одобрена подавляющим большинством (87,7%) на референдуме в декабре 1978 г.

Всенародное одобрение нового основного закона не сделало процесс демократизации необратимыми. Реформы правительства СДЦ, за некоторыми исключениями, не затронули важнейших структур старого аппарата управления. Так, не проводилась чистка армии и полиции. Буржуазно-

консервативные силы (так называемые фактические или параллельные власти в лице финансовой олигархии, верхушке армии и католической церкви), сохранив мощную материальную базу и влияние, создавали препятствия на пути углубления демократических перемен.

1979-1981 гг. стали временем политической нестабильности, характеризовавшейся взрывообразным ростом безработицы и хозяйственным спадом, постоянной угрозой правого переворота, разгулом терроризма ЭТА. Многочисленные слои населения пребывали в состоянии растерянности и страха перед наступающим и будущим. Резко упало влияние правящего СДЦ и А. Суареса (в январе 1981 г. он ушел в отставку). Развеялись надежды на демократию как панацею, которая решит чудесным образом все проблемы.

В феврале 1981 г. правые предприняли попытку государственного переворота. Молодую демократию спасло вмешательство короля Хуана Карлоса, который как командующий вооруженными силами потребовал от мятежников сложить оружие. Этому приказу подчинились. У заговорщиков не было широкой социальной опоры.

Обстановка неопределенности и неуверенности в будущем начала преодолеваться после впечатляющей победы на выборах 1982 г. (48% голосов избирателей) Испанской социалистической рабочей партии. В ее лице к власти пришли впервые после 1939 г. политики, находившиеся в оппозиции к франкизму и оказавшиеся способными к более глубоким демократическим преобразованиям, чем предшественники.

Прагматически-стабилизационная политика ИСРП, отказ от радикальных реформ позволила ей заручиться поддержкой значительной части «низов» и «верхов» общества, упрочить расшатанную стабильность. Особенно важно, что ИСРП удалось установить лояльные отношения с фактическими властями. Испания окончательно покончила с вековой позицией изоляционизма, вступив в ЕС (1986 г.) и другие европейские организации. В середине 80-х годов большинство населения впервые в истории постфранкистской Испании перестало испытывать страх перед возможностью военного переворота

и ощутило необратимость демократизации. В обществе сложился консенсус по базовым ценностям, основными слагаемыми которого были признание демократических ценностей, готовность к переменам «в рамках возможного», неприятие экстремизма.

Возникает вопрос, был ли возможен радикальный разрыв с франкистской диктатурой и глубокие социальные, в том числе антикапиталистические, преобразования в интересах широких слоев населения? Была ли альтернатива стратегии согласованной с властями реформы, которую избрали в 1976-1978 гг. ИСРП и КПИ? Именно на таком разрыве и такой альтернативе настаивали тогда и говорят сейчас как об упущенной возможности представители испанских левых, стоящие на твердых классовых позициях. Позиция, которую заняли ИСРП, КПИ и ведущие демократические профсоюзы, расценивается ими как «капитуляция перед правыми».

Между тем внимательный анализ испанской ситуации того времени свидетельствует, что действенной альтернативы «согласованной реформе» не было. Лозунг разрыва с диктатурой был оправдан и теоретически мог осуществиться только в первые семь месяцев после смерти Франко, когда первое послефранкистское правительство К. Ариаса Наварро топталось на месте и сохранялось статус-кво. Но массовое рабочее и демократическое движение не смогло тогда сокрушить диктатуру. Когда же в июле 1976 г. правительство А. Суареса взяло курс на демократизацию политической системы и протянуло руку демократической оппозиции, идея разрыва стала бессмысленной. К тому же дилемма «реформа-разрыв» стояла в основном только перед демократическими партиями и организациями. Большинство же населения было настроено, как уже отмечалось, на умеренные, осторожные перемены. Показателем настроений большинства испанцев было голосование на референдуме по законопроекту о политической реформе (декабрь 1976 г.), которую поддержали 94,2% населения, причем КПИ и ИСРП призывали бойкотировать референдум¹¹. Результаты

голосования убедили эти партии в том, что идея разрыва неприемлема для большинства населения. По словам испанского политолога Дель Рио Габараина, «реальность реформы лишила кислорода идею разрыва, задушила ее»¹². Не следует также забывать, что границы перемен в определенной степени задавало пропагандистское и финансовое вмешательство стран Запада в испанские дела. Они поддерживали реформистские партии, будучи заинтересованы в создании здесь такой новой политической системы, которая не нарушала бы сложившуюся в Западной Европе и мире расстановку сил.

При всем этом представляется, что в рамках избранной стратегии ИСРП, КПИ и демократические профсоюзы могли бы действовать решительнее и добиться большего в плане социально-политического реформирования. Между тем ведущие левые организации сдерживали забастовочную активность масс, ссылаясь на то, что она может спровоцировать правый переворот. Не было и должной степени единства действий в самом левом лагере. Все это стало причиной разочарования в результатах демократизации той части левой оппозиции, которая была настроена на глубокие социальные перемены.

Транзит и современность

Соотнося действия и результаты деятелей переходного периода с последующим функционированием уже консолидированной демократии испанский политолог Ж. Коломер предложил удачную формулировку: «Достоинства перехода превратились в дефекты демократии»¹³.

Не следует забывать, что деятели переходного периода действовали в сложнейших конкретно-исторических условиях, узком коридоре возможностей и, будучи политическими прагматиками, руководствовались интересами повседневной политической целесообразности. Они вряд ли задумыва-

¹¹ Powell, Ch. España en democracia, 1975-2000. Barcelona: Plaza & Janes Editores, S.A., 2001. P. 175.

¹² La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. P. 309.

¹³ Colomer, J. La transición a la democracia. El modelo español. Barcelona: Anagrama, 1998. P. 181.

лись о том, как будут выглядеть решаемые ими проблемы через несколько десятилетий. Главной задачей политиков эпохи транзита было привести страну к демократии, избежав повторения гражданской войны и массового кровопролития. Решая эту задачу, они стремились максимально укрепить свои позиции и политический инструментарий. Именно этим объясняется та огромная роль, которая отводилась партиям. Памятуя о политической нестабильности Второй республики (1931-1939 гг.), приведшей к гражданской войне, политики второй половины 1970-х годов наделили партийных лидеров большой властью. Расчет делался на то, что «стабильные партии создадут стабильную демократию»¹⁴. Аналогичную цель – сделать политическую систему молодой демократии стабильной и управляемой преследовала и новая избирательная система.

Поставленные задачи были решены вполне успешно. Но в дальнейшем, как уже отмечалось, и огромная роль партий, и избирательное законодательство стали объектом острой критики. Однако можно ли винить в этих существующих по сей день проблемах деятелей переходного периода? Разве у последующих поколений политиков не было возможностей, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, изменив соответствующие законы? Безусловно, такие возможности были, но ничего сделано не было, так как управлять по-старому проще и спокойнее.

В этом же ряду стоит проблема реформы сената, который со времен транзита не играет отведенной ему конституцией роли палаты территориального представительства. Между тем в превращении слабого и неэффективного сената в сильный и представительный не заинтересованы ни правительство (оно должно будет постоянно считаться с его позицией), ни конгресс депутатов (сенат в этом случае станет равным нижней палате по степени влияния), ни нынешние сенаторы (они потеряют работу), ни партийные лидеры (перед ними встанет задача трудоустройства нынешних сенаторов).

¹⁴ Molinas, C. Que hacer con España. Del capitalismo castizo a la refundación de un país. Barcelona: Ediciones Destino, S.A.P. Pp. 215-216.

Испанский опыт перехода от авторитаризма к демократии свидетельствует, что даже удачные решения работают лишь какое-то время. Новые этапы в развитии общества требуют корректировки старых и поиска новых прагматических решений, учитывающих национальные интересы.

Характерный пример – борьба вокруг пересмотра ряда положений конституции 1978 г., которая в свое время сыграла большую позитивную роль в достижении национального согласия. Для конституции характерна неопределенность и двусмысленность некоторых статей, что во многом объясняется обстановкой переходного периода, когда она принималась. Законодатели формулировали некоторые статьи осторожно, опасаясь, что потенциальная возможность распада «единой Испании» сподвигнет консервативные круги офицерства на переворот. С тех пор и в обществе, и в армии произошли большие перемены. Однако отношение к реформированию конституции в политическом мире страны неоднозначное и даже противоположное, из-за чего проблема не решается.

Знаменательно также, что уже много времени спустя после завершения транзита в эпицентре политической борьбы порой оказываются вопросы, которые не доминировали в политическом дискурсе и казались решенными. Примером может служить дилемма монархия-республика. В испанской истории споры между правыми – сторонниками монархии и левыми – убежденными республиканцами по поводу государственного устройства выливались в острые социальные конфликты. Однако поскольку переход к демократии осуществлялся под эгидой монархии и это обстоятельство обеспечивало лояльное отношение к новой политической системе со стороны незатронутого чисткой военно-бюрократического аппарата, акцентирование внимания левыми на дилемме «республика или монархия» могло расколоть лагерь демократии, оттолкнув сторонников монархии, и вызвать непредвиденные последствия. Исходя из этого, КПИ и ИСРП признали монархию, заявив, что линией водораздела в обществе является дилемма «демократия или диктатура», а не монархия – республика».

Однако отношение к монархии в эпоху консолидированной демократии осталось неоднозначным. По мнению части общественности, конфликтотенной испанской политике

необходим арбитр, модератор, способный в кризисных ситуациях уберечь страну от потрясений. Напротив, противники монархии считают ее институтом устаревшим, превратившимся в анахронизм, и к тому же дорогостоящим для налогоплательщиков¹⁵. Проблема долгое время оставалась на периферии общественной жизни. Однако в последние годы правления Хуана Карлоса его рейтинг резко упал из-за многочисленных скандалов в королевской семье. Во время отречения Хуана Карлоса (июнь 2014 г.) по Испании протекли многочисленные манифестации сторонников республики. Таким образом, «дремлющая проблема» на время вышла на авансцену большой политики.

Похоже обстоит дело и с другим типичным для Испании конфликтом – между ревностными католиками и людьми светской культуры. Церковь признала переход Испании к демократии, конституция зафиксировала ее отделение от государства. В традиционно католической Испании развивается процесс секуляризации. Тем не менее проблемы образования, семьи, брака, регулирования рождаемости постоянно вызывают острые и бурные дискуссии. Так, во время правления ИСРП (2004-2011 гг.) Конференция испанских епископов не раз организовывала многочисленные манифестации против исключения католицизма из списка обязательных школьных дисциплин, упрощения процедуры разводов, разрешения однополых браков, квалифицируя эти реформы, как «подрывающие устои». Испанский автор К. Элорди замечает, что, организовав эти манифестации, церковь «продемонстрировала огромную способность к мобилизации, большую, чем имеют профсоюзы»¹⁶.

Еще более острая проблема, которая была, казалось бы, отодвинута на задний план во времена транзита, но о которой во весь голос заговорили десятилетия спустя – отношение к историческому прошлому (начиная со времен Народного фронта 1936 г.). В 2007 г. правительство ИСРП приняло так

называемый закон об исторической памяти, предписывающий ликвидировать памятники Франко и мемориальные доски, посвященные его памяти, признающий незаконными все судебные процедуры, приводившие к расстрелу республиканцев (при этом упоминается, что массовые расстрелы использовались в 1936-1939 гг. обеими воюющими сторонами). Закон обязывает местные власти разыскивать и раскапывать братские могилы репрессированных, устанавливать их личности и передавать прах родственникам. В стране живут дети и внуки участников гражданской войны, потомки палачей и жертв. Не удивительно поэтому, что социум вновь на некоторое время разделился на «белых» и «красных». По мнению одних, правительство ИСРП вскрывает раны прошлого, другие считали, что оно залечивает эти раны.

Безусловно, эта проблема волнует не все общество. Многим безразличны события 80-летней давности. Но есть и немало людей, и семей, которых воспоминания о прошлом продолжают волновать. Для одних выглядит кощунством вскрывать старые захоронения, а для других кощунство состоит в том, что их предки – жертвы лежат в братских могилах рядом с палачами.

В ходе становления и консолидации демократии левые и правые, следуя логике политического прагматизма, обходили стороной болезненную проблему отношения к прошлому. В официальном политическом мире долгое время существовало своего рода табу на ее обсуждение (хотя простые люди о ней никогда не забывали). Сотрудничество между правыми и левыми осуществлялось в рамках так называемого негласного пакта забвения. Механизм люстраций, сходный с тем, который имел место в ряде стран Центральной и Восточной Европы, в Испании задействован не был. Никаких судебных преследований представителей франкистской элиты не осуществлялось. Реформы А. Суареса направлялись преимущественно против институтов. Представители старой элиты либо оставались в структурах управления, либо находили другое место работы, либо уходили в отставку. У бывших сторонников диктатуры сохранились легаль-

¹⁵ La España que necesitamos. Del 20 N a 2020. Madrid: Almuzara S.A., 2011. P. 63.

¹⁶ Elordi, C. Quienes mandad de verdad en España? Barcelona: Roca Editorial de Libros, S.L., 2013. Pp. 108, 116.

ные возможности пропагандировать свои взгляды.

Ведущие левые организации, во имя предотвращения кровопролития, отказались от мщения и сведения счетов. Их поведение определялось также своеобразием ситуации переходного периода, характеризовавшейся тем, что возможность их легального и свободного функционирования определялась волей команды А. Суареса. Сам характер перехода к демократии – договоренности и соглашения между франкистами-обновленцами и антифранкистами создавал препятствия, хотя и непреодолимые, для наказания виновных и восстановления исторической справедливости. Если в послевоенных Германии, Италии, Франции антифашизм стал краеугольным камнем легитимации новой, демократической политической системы, то в Испании этого не произошло. Антифранкизм не превратился в фундамент политико-идеологической платформы блока сил, строивших новую Испанию (правительства социалистов в 1982-1996 гг. продолжали политику пакта забвения). В то же время большая часть правых также перестала рассматривать левых как своего врага.

В конце 1990-х годов, когда началось широкое обсуждение этой проблемы, выяснилось, что многие люди, прежде всего левых взглядов, испытывают глубокое разочарование и обиды из-за того, что виновные в преступлениях франкистской диктатуры остались безнаказанными, а заслуги тех, кто боролись против нее, не признаны и по достоинству не оценены государством. Пострадавшим в годы диктатуры и их семьям не был возмещен урон – политический, правовой, морально-этический, экономический. По существу, политика забвения недавнего прошлого (кстати говоря, отличающая Испанию от многих стран, переживших в XX в. диктаторские режимы, где преступные деяния и по крайней мере часть их авторов были осуждены) ставила на одну доску палачей и их жертвы. Некоторые политики назвали подобный подход «институциональным управлением памятью», направленным на забвение прошлого во имя легитимизации

настоящего¹⁷. В итоге общество не решило важную нравственно-этическую проблему и не прошло в данном вопросе школу демократического воспитания.

Вообще политики переходного периода были новаторами отнюдь не во всем. В области партийного строительства они, в том числе и левые политики-антифранкисты, шли старым, апробированным путем, воспроизводя традиционные авторитарно-каудильистские принципы руководства и не пытаясь их менять. Никаких новаций не было и во взаимоотношениях партийных лидеров времен транзита с населением и гражданским обществом. Они использовали ту же практику деполитизацию масс, которую насаждала франкистская диктатура. Попыток активизировать организации гражданского общества не предпринималось.

Результаты такого сложного, многоаспектного и глубоко противоречивого феномена, как переход Испании к демократии нельзя оценить однозначно. Главное состоит в том, что впервые за всю историю в стране сложился легитимный строй представительной демократии с ее многочисленными атрибутами. Преодолев вековую авторитарную традицию, Испания сменила парадигму политической и духовной культуры. Вместе с тем политике, проводившейся в годы транзита, были присущи слабости и ограничения, объяснявшиеся совокупностью объективных и субъективных обстоятельств. Однако вряд ли правильно устанавливать прямую, непосредственную связь между современными проблемными зонами испанского социума и политикой времен транзита.

Один из важнейших уроков Испании состоит в том, что модернизация требует постоянной самокоррекции. Проблемы, казавшиеся решенными на переходном этапе, спустя годы и десятилетия начали «во весь голос» заявлять о себе в условиях консолидированной демократии, обостряя внутривнутриполитическую обстановку. Судя по всему, эти «встроенные дестабилизаторы»,

¹⁷ Domenech Sampere X. *Tempus fugit. Las memorias de la transición* // *Mientras tanto*, 2007, No. 104-105, p 156.

унаследованные от прошлого, останутся неотъемлемой частью испанских реалий. Они будут постоянно напоминать о себе, серьезно влияя на общественное сознание и доставляя немалые неудобства властвующей элите.

Литература:

Испания. 1918-1972 гг. Исторический очерк. – М.: Наука, 1975. – 495 с.

Современная Испания. – М.: Политиздат, 1983. – 383 с.

Хенкин С.М. Испания в полосе турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 4. – с. 71-81.

Хенкин С.М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис (Политические исследования). – 1996. – № 5. – с 129-135.

Brieger, P. La encrucijada española. Del 15-M a la disputa por el poder: Clave I ntelectual, 2015. 263 p.

Colomer, J. La transición a la democracia. El modelo español. Barcelona: Anagrama, 1998. 192 p.

Domenech Sampere X. Tempus fugit. Las memorias de la transición // *Mientras tanto*, 2007, No. 104-105, pp.151-157.

Elordi, C. Quienes mandad de verdad en España? Barcelona: Roca Editorial de Libros, S.L., 2013. 139 p.

España. El final de una época. Madrid: Libroslibres, 2009. 268 p.

Grimaldos, A. La sombra de Franco en la transición. Madrid: Oberon, 2004. 380 p.

La España que necesitamos. Del 20 N a 2020. Madrid: Almuzara S.A., 2011. 806 p.

La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. 355 p.

Los partidos en la transición. Las organizaciones políticas en la construcción de la democracia española. Madrid: Biblioteca Nueva, S.L., 2013. 423 p.

Molinas, C. Que hacer con España. Del capitalismo castizo a la refundación de un país. Barcelona: Ediciones Destino, S.A.P. 301 p.

Monedero, J.C. La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española. Madrid: Catarata, 2011. 230 p.

Moran, G. El precio de la transición. Barcelona: Planeta, 1991. 254 p.

Moreno, M.; I luega, H. Por un nuevo proyecto de país. Madrid: El Viejo Topo, 2015. 247 p.

Navarro, V. Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país. Madrid: Anagrama, 2002. 216 p.

Papel, A. Elogio de la transición. Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2016. 157 p.

Powell, Ch. España en democracia, 1975-2000. Barcelona: Plaza & Janes Editores, S.A, 2001. 685 p.

Pradera, J. La Transición española a la democracia. Edición e introducción de Joaquin Estefania. Madrid: Fondo de Cultura Economica de España, 2014. 164 p.

Sistema político español. Barcelona: Huygens Editorial, 2012. 395 p.

References:

Brieger, P. La encrucijada española. Del 15-M a la disputa por el poder: Clave I ntelectual, 2015. 263 p.

Colomer, J. La transición a la democracia. El modelo español. Barcelona: Anagrama, 1998. 192 p.

Domenech Sampere X. Tempus fugit. Las memorias de la transición // *Mientras tanto*, 2007, No. 104-105, pp.151-157.

Elordi, C. Quienes mandad de verdad en España? Barcelona: Roca Editorial de Libros, S.L., 2013. 139 p.

España. El final de una época. Madrid: Libroslibres, 2009. 268 p.

Grimaldos, A. La sombra de Franco en la transición. Madrid: Oberon, 2004. 380 p.

Ispaniya, 1918-1972. I storicheskiy ocherk (Spain, 1918-1972. Outline of History). Moscow: Nauka, 1975. 495 p.

Khenkin, S.M. I spaniya v polose turbulentnosti (Spain in Turbulence) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnyye otmosheniia*, 2012, No. 4, pp. 71-81.

Khenkin, S.M. Politika pakta: ispanskiye illustracii (Politics of Pact: Spanich I llustrations) // *Polis (Politicheskiye issledovaniya)*, 1996, No. 5, pp. 129-135.

La España que necesitamos. Del 20 N a 2020. Madrid: Almuzara S.A., 2011. 806 p.

La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. 355 p.

Los partidos en la transición. Las organizaciones políticas en la construcción de la democracia española. Madrid: Biblioteca Nueva, S.L., 2013. 423 p.

Molinas, C. Que hacer con España. Del capitalismo castizo a la refundación de un país. Barcelona: Ediciones Destino, S.A.P. 301 p.

Monedero, J.C. La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española. Madrid: Catarata, 2011. 230 p.

Moran, G. El precio de la transición. Barcelona: Planeta, 1991. 254 p.

Moreno, M.; I luega, H. Por un nuevo proyecto de país. Madrid: El Viejo Topo, 2015. 247 p.

Navarro, V. Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país. Madrid: Anagrama, 2002. 216 p.

Papel, A. Elogio de la transición. Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2016. 157 p.

Powell, Ch. España en democracia, 1975-2000. Barcelona: Plaza & Janes Editores, S.A, 2001. 685 p.

Pradera, J. La Transición española a la democracia. Edición e introducción de Joaquin Estefania. Madrid: Fondo de Cultura Economica de España, 2014. 164 p.

Sistema político español. Barcelona: Huygens Editorial, 2012. 395 p.

Sovremennaya I spanya (Modern Spain). Moscow: Politisdat, 2013. 383 p.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135>

SPAIN: PROBLEMS OF CONSOLIDATED DEMOCRACY IN A COMPARATIVE HISTORICAL CONTEXT

Sergey M. Khenkin

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14 April 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 11 November 2017</p>	<p>Abstract: Present-day Spanish society is suffering from political institutional crisis raising vivid cutting-edge discussions on its sources. Widely spread is the viewpoint blaming the actors of the transition who laid the foundation of the current political system in the second half of 1970s – first half of 1980s. Such an approach demonstrates radical reevaluation of values since until quite recently the dominating belief in the public conscience in Spain and beyond treated the Spanish transition as a model type within the third wave transition framework. The author does not agree with the negative appraisal of the transition which allowed Spain not only to avoid a new civil war but to set up the regime of representative democracy for the first time in its history. The transition politics certainly had weaknesses and limitations. The successor political actors had the opportunities to remedy the situation by changing the legislation and practices but they did not do it since ruling as usual was easier. At the same time the Spanish transition experience compared to the present-day reality proves that even successful decisions work only for some time. New stages of societal development demand the correction of previous and development of new pragmatic solutions taking national interests into account. The issues which were not dominating the political discourse at the time of the transition and seemed to be solved (like monarchy vs. republic, conflict between staunch Catholics and secularists, evaluation of the past) were brought to the center of political struggles many years after. The author concludes that it is incorrect to define the direct relation between the modern problematic zones of the Spanish society and the policy at the time of democratic transition.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University</p> <p>e-mail: sergkhenkin@mail.ru</p>	
<p>Key words: Spain; Francoist dictatorship; transition to democracy; democratic consolidation; political party; Moncloa Pacts; constitution; «built-in destabilizers»</p>	

Для цитирования: Хенкин С.М. Испания: проблемы консолидированной демократии в сравнительно-историческом контексте // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 124-135.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135

For citation: Khenkin, Sergey M. Spain: Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context (Spain: Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 124-135.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135